

НИК ПЕРУМОВ

ДОЧЬ НЕКРОМАНТА

Летописи разлома

Ник Перумов
Дочь некроманта
Серия «Миры Упорядоченного»
Серия «Летописи Разлома», книга 6

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=119763

Дочь некроманта: 2022
ISBN 978-5-222-37068-1

Аннотация

Повесть «Дочь некроманта» входит в цикл «Хранитель мечей». Являясь, с одной стороны, самостоятельным произведением, в то же время она неотделима от истории, связанной с Фессом. Её герои Лейт и Бельт присоединятся к повествованию в книге «Война Мага. Дебют».

Тайные знания получает молодой некромант от расы человекоящеров дуоттов. Но за них приходится платить высокую цену: эта магия пробуждает Зверя, который хочет поглотить весь мир Эвиал.

Пророчество гласит, что уничтожить порождение Тьмы сможет только сын некроманта, убивший своего отца. Но рождается девочка...

Цель жизни сироты Лейт-Ниакрис, воспитанной расой воинов поури, – отомстить ужасному врагу, убившему её семью.

Трудными дорогами пройдёт она, раскроет свой магический дар, страшным вещам научится. Всё ради мести. И лишь перед решающей битвой Ниакрис узнает, что биться ей придется с собственным отцом. Сможет ли она исполнить пророчество и спасти Эвиал?

Содержание

Часть первая	5
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Ник Перумов

Дочь некроманта

*Он придет, мой противник неведомый,
Взвоят яростный рог в тишине,
И швырнет, упоенный победами,
Он перчатку кровавую мне.
Тьма вздохнет пламенеющей бездною –
Сердце дрогнет в щемящей тоске –
Но приму я перчатку железную
И надену свой черный доспех.
На каком-то откосе мы встретимся
В желтом сумраке знойных ночей.
Разгорится под траурным месяцем
Обнаженное пламя мечей.
Разобьются щиты с тяжким грохотом,
Разлетятся осколки копья, –
И безрадостным, каменным хохотом
Обозначится гибель моя.*

Роберт Мандельштам

Часть первая

Клинок востребован

Наверное, когда-то это был прекрасный и величественный замок. Именно прекрасный и величественный, несмотря на то что выстроили его нечеловеческие руки и, собствен-

но говоря, он даже не мог называться «замком» – укрепленным жилищем сеньора и его семьи.

Здесь до сих пор жили те, чьей расе в незапамятные времена пришлось уступить место в Эвиале человеческому роду. Отгремели две страшные войны: Война Быка и Война Волка – после чего уцелевшие отступили на северо-восток, за полуночные рубежи Синь-И, где, всеми позабытые, продолжали тянуть лямку жизни. Их оставалось немного, однако жили они долго и умирали редко. Магия, которую не смогли отобрать победители, могла бы помочь изгнанникам устроиться гораздо лучше, но они берегли каждое заклинание, словно бедняк последнюю полудюжину золотых монет.

Долгие века в подземельях их замка продолжалась работа, медленная, неторопливая, осторожная. Маги древнего народа отринули незыблемые когда-то правила, пытаясь отыскать пути в области, испокон веков считавшиеся запретными и смертельно опасными.

О нет, они не приносили кровавые жертвы и не творили жуткие обряды, не вызывали демонов тьмы и не пытались обрушить на головы овладевших Эвиалом людей чуму, ураганы, пожары и другие бедствия. На такую мелочь древние не разменивались.

Временами в их работе случались заминки. Иногда – на целые годы. Иногда – даже на десятилетия. Это их не слишком трогало – что такое десять лет для того, кто проживет еще самое меньшее тысячу?

Древние думали, что о них все забыли, даже люди-волшебники, самые страшные враги, чья молодая магия некогда превзошла их утонченное, но слишком уж запутанное чародейское искусство. Но они ошиблись.

Нашелся тот, кому захотелось своими глазами взглянуть на Последнее Прибежище, как звали этот замок (а точнее, его развалины) нынешние хозяева.

Человек был еще молод, однако в длинных черных волосах, заплетенных сзади в причудливую косу, уже проблескивала седина. Узкие глаза с приподнятыми внешними уголками напоминали эльфы, но тонкие губы и нос придавали лицу какое-то странное, пожалуй, даже несколько зловещее выражение. Оружия человек не носил, не было при нем и посоха, неременного атрибута волшебников, – хотя в одиночку проделать весь путь от пограничья Синь-И до Последнего Прибежища никто, кроме волшебника, просто бы не смог.

– Добрался, – прошептал он, глядя на странные, склонившиеся друг к другу треугольные башни, увенчанные причудливыми венками изогнутых длинных рогов какого-то давно исчезнувшего чудовища. Стены между башнями превратились в бесформенные груды щебня, сводчатая крыша длинного здания внутри обвалилась, а все подступы густо заросли резко пахнущей пустырницей, получившей свое название как раз за обыкновение укореняться вокруг давно заброшенных жилищ. – Добрался, – повторил человек, не двигаясь с места, словно чего-то ожидая.

Он оказался прав. Немного погодя высокие метелки пу-
стырницы заколебались. Человек усмехнулся: ходить по за-
рослям обитатели этого места явно не умели. Не умели
или разучились прятаться, подкрадываться, наверное, уже не
смогли бы и ударить в спину. На долгие века люди оставили
их в покое, не трогая жалкую горстку изгоев, – и кто знает,
не ошиблись ли возгордившиеся победители?

Зеленые заросли раздвинулись, перед человеком появи-
лись три фигуры – вытянутые, удлинённые черепа, заострен-
ные сверху, покрытые коричневатой чешуей, желтые глаза,
окруженные мягкой бахромой коротких шевелящихся щу-
палец, безгубые тонкие рты.

Человек улыбнулся и поднял безоружные руки. Пришель-
цы не шевелились, просто смотрели на него, очень присталь-
но, изучающе. Он не отвел взгляда, давно уже приучившись
не бояться подобного.

– Зачем ты пришел? – наконец спросил один из них. Он
говорил на языке Синь-И, с сильным акцентом, медленно
подбирая даже самые простые слова.

– Я пришел учиться, – ответил человек на том же языке
и тоже с акцентом, правда, легким. Синь-И явно не был его
родным.

– Ты – враг, – услышал он. – Мы не учим врагов.

– Я не враг. Присмотритесь получше, – ответил человек,
широко разводя руки в стороны, вздохнул поглубже, задер-
жал дыхание и, не мигая, взглянул в желтые глаза.

Он ощутил напор Силы, слишком далекой и слишком чужой, чтобы мгновенно уловить управляющие ею законы. Не пытаясь сопротивляться, раскрыл навстречу ей свой разум – так вежливый гость протягивает хозяину свое оружие, сам стоя в тени вскинутых и готовых для удара мечей.

Кажется, ему удалось их озадачить. Они переглянулись – даже на уродливых, с человеческой точки зрения, масках, заменявших им лица, где не отражалось ничего или почти ничего, – проступило нечто, похожее на недоумение.

* * *

Он не был засланным прознатчиком. За его плечами не было лукавой школы Ордоса, не было и хитросплетений Волшебного Двора. У него был наставник, колдун-самоучка, бывший наемник, шатавшийся с разными ротами по всему Эвиалу и поднабравшийся приемов и заклятий – и у эльфов, и у людей, и у гномов, и даже у полудиких гоблинских шаманов. Способного мальчишку он довольно быстро научил всему немногому, что знал сам, – после чего перед переросшим наставника учеником встал вопрос, что делать дальше.

– Иди в мир, – сказал ему бывший наемник. – И вот что я скажу тебе, малец, держись подальше от ордосских магов. Ничему хорошему они тебя не научат.

– А как же ты, дядюшка Эйвери?

– Какой же из меня маг? Так, ковыряюсь потихоньку. А у

тебя-то силенки настоящие, не в пример моим. Искать тебе надо того, кто тебя впрямь чему-то дельному научит.

– Но где ж такого найти, дядюшка?

– Не знаю, малыш, не знаю. Знал бы – сам бы помог тебе туда добраться. И думаю я, что иного пути, как в Вольные роты, тебе нет. Ты годами хоть и не вышел, да только в ротах любого, кто хотя б дым без огня наколдовать сумеет, загребут с руками и ногами, так что потом и не отвертишься. Погоди, я не я буду, если к толковому ротному тебя не пристрою.

Старик Эйвери сдержал свое слово. Всего лишь полгода спустя его малолетка-ученик уже примерил алый бархатный берет «Костоломов Диаза».

Да, его ценили. Не ущемляли в добыче, хотя сам он, понятное дело, в разграблении городов не участвовал. Сперва не участвовал, пока не подрос и не наловчился как следует вертеть мечом. «Костоломы» то мерили тяжелой своей поступью дороги Семиградья, то разбивали шатры на самых подступах к сумрачному Нарну, то жарились на испепеляющем салладорском солнце. Знамена Вольной роты трепал соленый ветер на обрывистых меловых скалах Кинта Дальнего, их рвали острые сучья в джунглях Кинта Ближнего, они стояли под ливнем легких стрел из ядовитого тростника в топких болотах на берегу Южного Океана к востоку от салладорской Стены; врагами роты, случалось, бывали и люди, и нелюди, как-то раз они даже чуть было не взяли приступом

тот самый Храм Мечей, о котором в западных пределах ходило столько страшных рассказов, – правда, в последнем случае защитники Храма, не дожидаясь штурма, сами ворвались в лагерь осаждающих и учинили там форменную резню.

И он учился. Во всякое время, при любых обстоятельствах. Рота не раз и не два сталкивалась с враждебной магией – а нет лучшей школы для чародея, нежели открытый бой. Ты или превозможешь заклятье врага – или погибнешь.

Ему удалось выжить. Погибли его враги. С каждым выигранным боем рота смотрела на него со все большим и большим уважением. Ему несли найденные на мертвых амулеты и обереги – разумеется, если они не представляли ценности для нашедшего. Он и сам приноровился обирать тела – в первую очередь охотясь за магическими артефактами, пусть даже самыми слабыми или непонятными.

А потом ему повезло. Повезло вместе со всей ротой – их наняла сама Святая Инквизиция. Надо было положить конец одной из богомерзких ересей, которой, увы, предались и некоторые из прошедших обучение в Ордосе волшебников. На подавление мятежа разящий кулак матери нашей, Вселенской Церкви Спасителя, отправил своих лучших отцов-эзекуторов, в свою очередь владеющих великим даром святого чародейства.

В битве с обеих сторон сошлись мечи и магия. Но тяжелооруженная, скованная железной дисциплиной рота раздавила наспех оборуженное крестьянское ополчение, а ма-

ги-отступники не смогли помочь своим, будучи связаны по рукам и ногам поединком с инквизиторами.

Там он и нашел свою первую настоящую книгу заклинаний. В горящем с одной стороны доме, рядом с мертвым телом – меч наемника оборвал жизнь чародея, волшебство не устояло перед простой сталью.

После того как все закончилось, отцы-инквизиторы долго и тщательно перетряхивали все уцелевшие строения, сносили в кучу зловещего вида книги в черных кожаных переплетах; а потом предали их огню. Перед строем роты прочитали строгий указ – всякие рукописания, найденные на поле боя альбо в домах, сдать всенепременно отцам-эзекуторам под страхом казни на медленном огне.

У него дрожали коленки: инквизиторы – это вам не обычный враг, за ними стояла сила, быть может, ничуть не меньшая, чем у магов прославленной Академии Высокого Волшебства или загадочного Волшебного Двора. И все-таки книгу он не отдал. И с трудом дождался ночи, чтобы начать читать – у костра, завернувшись в издавшее виды походное одеяло.

Он не знал, что ему достался один из томов Искусства ночной магии – робкой и неуверенной попытки самоучек нащупать дорогу во Тьму. Он не знал, что в лунном свете на желтых страницах из тонковыделанной человеческой кожи оживают совсем другие письмена, нежели днем. Только много времени спустя он начал догадываться, какой ценой опла-

чен каждый ее лист, каждая строчка. Да что там строчка, каждая буква в книге, казалось, написана была чистой кровью, хотя на самом деле это было, конечно, не так – кровь использовалась только для главнейших схем и начертаний.

Он погрузился в книгу целиком, с головой, забыв об окружающем мире. Блеклая луна услужливо светила сквозь желтоватые страницы, дрожали и расплывались буквы, внезапно меняя очертания; четкий почерк, сделавший бы честь начальнику Писцовой палаты имперского сената, сменялся каракулями, чеканные буквы эбинского алфавита – рунами северных мореходов с Волчьих островов, а порой и причудливыми эльфийскими завитушками. Он то и дело приходил в отчаяние, натываясь на совершенно непонятные фразы, обозначения и схемы.

Там говорилось о Великом Древе и Западной Тьме, источнике силы и свободы. Там говорилось, что настанет день, и с запада придет свежий ветер, которому суждено отрясти листья с ветвей Мирового Ясеня, и тогда каждый лист – поймай: человек, или, точнее, его бессмертная душа – получит истинную, только во Тьме достижимую свободу.

Он не знал, что основой для этого труда послужили ставшие достоянием отступников отрывки из великих Анналов Тьмы.

Там перечислялись обитатели Ночи, подробно рассказывалось о всех мыслимых видах нечисти, нежити и нелюди, приводились заклинания, обереги, но самое главное –

там имелись законы построения новых заклятий. Именно этот, наиболее тщательно оберегаемый секрет Ордоса ренегаты-волшебники предали огласке – и он попал в те руки, которых они ждали так долго и не дождались лишь совсем чуть-чуть.

После этого он уже недолго ходил с «Костоломами». Однажды ночью молодой волшебник просто исчез со всем своим нехитрым скарбом.

А еще через два дня рота попала в засаду и погибла вся, до последнего человека.

Потом было еще много чего. Он исходил Эвиал из конца в конец, побывав даже на Утонувшем Крабе, едва вырвался оттуда и дал себе страшную клятву в один прекрасный день вернуться и стереть этот проклятый остров с лица земли.

Но для этого нужно было знание, нужны были наставники, превосходившие по силам чародеев острова Запекшейся Крови, как он звался на исконном, древнем языке его обитателей.

Старые рукописи, разрозненные намеки, недомолвки и тому подобное, как ни странно, указали дорогу.

На восток, туда, к последней крепости истинно древней магии.

И вот его путь завершался. Нигде в мире он не нашел себе достойного учителя – его последняя надежда связана была именно с этим местом. Если его не станут учить змееголовые – больше ему идти будет просто некуда.

* * *

– Я не враг, – повторил он, глядя в желтые глаза. И на сей раз в них уже не чувствовалось подозрительности.

– Хорошо, – медленно упали тяжелые слова, и сердце его подпрыгнуло, словно в давным-давно забытом детстве. – Ты пойдешь за нами и будешь послушен. Хотя нет, ты никогда не станешь послушным. Что ж, мы постараемся, чтобы ты ненароком не стер наш замок с лица земли.

* * *

Дни, недели и месяцы под высокими сводами. Они свивались в причудливые спирали, и казалось, будто ты – в раковине громадного моллюска. Здесь не было привычных людям комнат, залов, коридоров и лестниц. Весь замок – система вырастающих один из другого спиральных куполов, пологих пандусов, висячих галерей. Здесь не принято было передвигаться на собственных ногах. Левитация, сиречь парение, – вот единственный достойный мага способ передвижения, говорили ему, земная плоть нечиста, она осквернена злобой и похотью; не отринув мира, не позабыв обыденное, ты никогда не проникнешь в тайны истинного волшебства, которое не смогли постичь даже чародеи Ордоса.

– Но вы же проиграли войну, – дерзко возражал он своим наставникам. И неизменно слышал в ответ:

– Война еще не закончена. Конец ей придет, лишь когда на земле не останется либо ни одного человека, либо ни одного дуотта.

– Значит, следует убить и меня? – спрашивал он.

– Зачем? – отвечали ему. – Победить в войне можно и не обязательно силой оружия. Пройдет еще много-много времени, и люди уйдут сами. Например, истребив друг друга в бесчисленных битвах. Так что нам даже не придется никого убивать. Наоборот, нам придется спасать – таких, как ты, потому что с уходом людей не должна исчезнуть их магия.

Откровенность поражала. От него ничего не скрывали. Ему прямо говорили – да, настанет день, и твоя раса погибнет, а мы, выждав и затаившись на время, как и встарь, вновь будем властвовать над Эвиалом. Казалось бы, он должен возмутиться, если не броситься на обидчиков с кулаками, то по крайней мере покинуть это место, добраться до людских пределов, поднять тревогу, объяснить, насколько опасен этот медленно зреющий нарыв на теле Эвиала, – однако он по-прежнему оставался в Последнем Прибежище и ничего не предпринимал. Потому что слишком уж захватывающие горизонты тайной магии открывались перед ним.

Он узнал, почему его родной мир стал закрытым и что это значит. Он своими глазами видел в искрящемся кристалле приведшие к тому события, и кровь леденела у него в жи-

лах, а дыхание пресекалось – он никогда не думал, что могут происходить на свете такие злодеяния. Даже самый отвратительный, бесчеловечный преступник, лишившийся рассудка безумный палач, наслаждающийся мучениями и предсмертными стонами жертв, не додумался бы до такого.

Ему открыли, что Эвиал не одинок в пределах великой совокупности миров, именуемых Упорядоченным, границы которого неведомы никому, даже богам, если, конечно, таковые есть там на самом деле. Потрясенный, он впервые поднялся в астрал и даже выше, увидав отражение того, что его учителя называли Межреальностью и куда рожденным в Эвиале путь считался крепко-накрепко закрытым.

За звездным куполом, что словно гигантская крышка наглухо замкнул пределы Эвиала, он видел мерцание иных миров. Теряя сознание от восторга, он посылал своего бесплотного двойника вперед, как можно дальше, насколько хватало сил удерживать заклинание.

Да, ради всего этого стоило проделать пешком весь неблизкий путь от Ордоса до Последнего Прибежища.

Медленно, исподволь учителя подводили его и к тому, чтобы повернуть свой взгляд на запад, решиться посмотреть туда, где нет ни людских, ни нелюдских поселений, где безраздельно властвует Тьма, всеобщая, бездонная и непобедимая. Ему осторожно, не торопясь, раскрывали страшные секреты Анналов Тьмы, и он чувствовал, как по вискам и лбу его стекает пот, – книга говорила о неизбежном приходе Темно-

го Мессии и кровавом урагане, что сметет весь мир после его появления.

Ничто в этом мире — ни золото, ни власть, ни утехи плоти не могли сравниться с чувством *постыжения* неведомого.

Змееголовые не требовали платы, они учили пришельца, казалось, как одного из своих. За исключением единственного — с ним никогда не говорили на их родном языке. Даже книги, которые он читал, специально для него переписывались человеческой речью. И на все его просьбы следовал вежливый, но неизбежный отказ.

Он так же вежливо кивал в ответ, не задавая больше вопросов. В конце концов, каждый имеет право на свои странности.

И вновь времена года сменяли друг друга в вечной, неизменной погоне, за окнами то выла выюга, то неслись сорванные ветром осенние листья, то ярко светило весеннее солнце, то тяжело наваливался летний зной. Однако обитатели Последнего Прибежища мало обращали внимания на время. В замке ничего не менялось. Ничего не происходило. Что такое «праздник», тут не знали. Здесь вообще не знали ничего, кроме работы.

Мало-помалу человека допускали до все более и более важных ритуалов. Дуотты пытались понять, что же такое Тьма, откуда она взялась сама и откуда, собственно говоря, взялась ее Сила.

И он, захваченный этой лихорадкой, подобно своим на-

ставникам, едва не забыл об окружающем мире. В небольшой каморке, где он обосновался, были только голые стены да лежак. Ничего больше. Он не нуждался в уюте и комфорте. Он не нуждался ни в чем, кроме знания.

Однако пришел день, когда и его учителя попросили кое-что взамен.

Была глухая осень, здесь, на дальнем северо-востоке громадного континента, уже вовсю пели победную песнь холодные полуночные ветры. Последнее Прибежище штурмовали неисчислимые полчища незримых воздушных ратей, вытягивая, высасывая тепло из-под спиральных куполов, несмотря на все усилия мастеров – заклинателей погоды.

Но внизу, в подземелье, было тихо. Пахло разогретым металлом, какой-то кислотой, еще чем-то неуловимым, вроде специй. Вокруг царил полумрак, лишь слабо светились голубоватым извивы купола над головой.

Разумеется, он не раз бывал здесь. Главный заклинательный зал Последнего Прибежища. Несколько раз ему доверяли участвовать в сложных и тонких магических построениях, требовавших совокупных сил всех чародеев древнего народа. Но обычно подготовка к такому действию начиналась загодя, и он знал обо всем заранее. Сейчас же все происходило как раз наоборот.

Его позвали внезапно, оторвав от чтения манускрипта, посвященного одному из труднейших и тайных разделов тварной магии – некромантии. Он уже давно интересовал-

ся ею, справедливо полагая в стихии смерти и разрушения могучий противовес оружию магов, именующих себя «Светлыми»; вивлиофики Последнего Прибежища содержали немало рукописей на эти темы. Сами дуотты уделяли этому не слишком много времени, повинаясь своим неимоверно сложным моральным запретам и установлениям, вникнуть в которые обычный человек, пусть даже и маг, не смог бы даже за десять жизней.

Большинство этих трактатов оказались переводами с другого древнего языка, языка тех, чье имя в буквальном переводе с речи змееголовых означало не то «титаны», не то «гиганты»; утверждалось, что они появились тут чуть ли не одновременно с дуоттами, если вообще не раньше. Но в отличие от змееголовых, относительно быстро расселившихся по берегам теплых морей, основавших царства и империи, титаны обосновались на одном-единственном южном острове, отгородились от мира, где и занялись какими-то своими делами, оставшимися непонятными даже многомудрым дуоттам.

Тем не менее некая часть их трактатов оказалась в руках змееголовых – что означало все-таки не полное отгораживание титанов от мира. Дуотты то ли купили, то ли выменяли труды, посвященные тому, чем они сами не занимались, – магии смерти. После чего древние рукописи множество веков пролежали без движения – змееголовые не нашли им применения даже в черные дни собственного разгрома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.